

ОДНАЖДЫ

The background of the cover is a complex, layered image. On the left, a woman with long dark hair, wearing a dark tank top and a patterned skirt, stands with one hand on her hip and the other behind her head. To her right is a large, glowing, golden face with a wide, open mouth, appearing to be part of a larger, textured structure. The overall color palette is dominated by warm, golden-brown and blue tones, with intricate, almost fractal-like patterns in the background.

Сборник рассказов
выпускников
Литературного
института

16+

Ида Мартин

**Однажды... Сборник
рассказов выпускников
Литературного института**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мартин И.

Однажды... Сборник рассказов выпускников Литературного института / И. Мартин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-08600-5

Кто и почему обзывал Гагарина собакой? Как родилась басня Крылова «Демьянова уха»? Отчего у Ломоносова складывались непростые отношения с карасями? Что общего у Маяковского и морского котика? Кто был прообразом кота Бегемота? Почему люди произошли от обезьян, а русские от медведя? И каков был последний день Эвариста Галуа? На эти вопросы вам ответят выпускники Литературного института.

ISBN 978-5-532-08600-5

© Мартин И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие Александра Сегеня – мастера семинара прозы Литературного института им. А.М. Горького	5
Сергей Гончаров	7
Снежная кошка	7
Эпилог	13
Ида Мартин	15
Сердце обезьяны	15
Марина Кулакова	23
По-единок	23
Анна Лапикова	28
Одно желание для золотой рыбки	28
Татьяна Скрундзь	35
Гул	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Сергей Гончаров, Ида Мартин, Марина
Кулакова, Анна Лапикова, Татьяна
Скрундзь, Зарема Цыганова, Яна
Кухлиева, Мария Сергеева, Дмитрий
Сорокин, Вера Елисеева, Валентина
Белоусова, Катерина Комиссарова,
Натали Верна, Екатерина Груцкая,
Валерия Ободзинская, Максим Чупров
Однажды... Сборник рассказов
выпускников Литературного института**

**Предисловие Александра Сегеня – мастера семинара
прозы Литературного института им. А.М. Горького**

Вообще-то, задание курсовой работы звучало не «Однажды», а «Один день из жизни...». Такое задание я даю студентам каждого своего семинара в Литературном институте. Оно призвано развивать понимание структуры короткого рассказа, в котором автор должен показать своего героя в определённый момент, один из важнейших периодов его жизни, когда с человеком происходит либо событие, меняющее его, либо нечто, что изменяет его восприятие действительности, открывает дверь в будущее и так далее.

Для начала, я прошу прислать мне на электронную почту ответы на несколько вопросов: ваши любимые исторические персонажи (политики, военачальники, художники, писатели, врачи, музыканты, учёные, авантюристы, путешественники, etc.), ваши любимые места на Земном шаре, ваши любимые произведения искусства и литературы, ваши любимые животные, птицы, насекомые, цветы, деревья, блюда...

В итоге, я получаю набор предпочтений каждого студента, и из этого набора komponую задание, в котором фигурируют некий исторический персонаж, определённое место действия, животное, цветы и т.д.

К примеру: «Иван Андреевич Крылов приезжает в Коломну для участия в кулинарном поединке «кто больше съест», попутно угощается пирожками и расстегаями, но всё равно побеждает, причём особую роль в поединке играет собака». В итоге получается замечательная курсовая работа, в которой собака играет не просто особую роль, а главную – она оказывается соперником баснописца, проигрывает ему и даёт сюжет для басни «Демьянова уха».

Такие стимулирующие курсовые работы способствуют тому, что студенты, традиционно испытывающие некий творческий застой на втором и третьем курсах, волей-неволей вынуждены написать рассказ в соответствии с заданием. И, сколь это ни удивительно, чаще всего получается нечто настолько путное, что многие такие курсовые работы попадают в диплом студента при его выпуске из стен института, а иногда даже удостоиваются публикации в журналах и сборниках.

Бывают и смешные случаи. К примеру, студенту Седову я дал задание написать рассказ об одном дне из жизни полярного исследователя Георгия Яковлевича Седова, а когда я спросил, почему он так долго тянет с выполнением задания, студент простодушно ответил: «Я просто забыл, о ком вы мне велели написать». Всё равно, как если бы Гагарину дали задание написать о Гагарине, а Жукову о Жукове.

Думаю, ни к чему скрывать тот факт, что мастерская 2010-2015 годов была у меня пока самой лучшей за все двадцать лет моего преподавания в Литературном институте. Три четверти выпускников получили при защите высший балл, а две студентки закончили институт с красным дипломом. Мало кто из преподавателей может похвастаться подобным успехом. Вот и выполнение курсовой работы на тему «Один день из жизни...» оказалось на высоком уровне. Шесть рассказов даже были опубликованы в «толстых» журналах. Не стану их перечислять здесь, дабы не выпячивать перед остальными. Но мне приятно, что спустя два с половиной года после защиты дипломов мои студенты вспомнили о той курсовой работе и решили составить сборник из рассказов, вышедших тогда из-под пера... точнее, из недр их компьютеров.

Дорогие мои дети! Желаю вам дальнейшего творческого развития, литературных успехов, понимания своего предназначения в мире и литературе. И не забывайте наш кораблик, в котором мы плавали пять лет вместе, и который год за годом время уносит всё дальше в прошлое.

Александр Сегень

Сергей Гончаров

Снежная кошка

Задание:

Царю Ивану Васильевичу в Москву привезли снежного барса, который напугал царицу Анастасию Романовну.

Когда в дверь постучали, Иван задумчиво смотрел на ладонь в лучах всходившего солнца. Пригладил бороду, немного поерзал на резной скамье, приосанился.

– Входи, – тихо сказал царь.

Иван Васильевич не верил в сложившуюся легенду о прародителе Рюрика, но пользовался. Считал, что придворные должны слышать потомка Августа, основателя династии Рюриковичей, как бы тихо он не говорил.

И все слышали.

Двустворчатые двери отворились. Четыре стражника стояли, словно статуи, сжимали древки бердышей так, что пальцы побелели. Совсем недавно Иван слышал их приглушенный смех, но размышления настолько захватили внимание царя, что он оставил такую вольность без внимания.

В палаты вошел протопоп Сильвестр – в неизменной рясе, с черной, густой бородой по пояс.

– Доброго здравия, государь! – приветствовал он.

Стражники закрыли двери и оставили их наедине.

– Здравствуй отец, – Иван провел рукой по рыжей, клиновидной бороде. – Здравствуй, здравствуй, – встал со скамьи, потянулся. – Эх, думы, думы... Знаешь, отец, что я сегодня узнал? – приблизился к Сильвестру. От него пахло ладаном и жареным мясом.

– Нет, государь! – хоть протопоп был не низкого роста, ему пришлось поднять голову, чтоб смотреть царю в лицо.

– Сейчас, – Иван подошел к большому столу с ножками в виде кошачьих лап, поискал в ворохе бумаг нужный документ. – Сегодня узнал, как меня называют там, – указал рукой за спину.

Протопоп молчал.

– Московский тиран! – всплеснул руками царь. – Московский тиран строит флот в Нарве! Представляешь, отец?! Московский тиран! Какой же я тиран?! – в тоне Ивана слышалось столько обиды, будто его обвинили в святотатстве. – Или я чего-то не замечаю?

– Наши западные соседи, безусловно, не правы...

– Не правы?! – грохнул кулаком по столу Иван. – Не правы!!! Да они меня боятся, как черт ладана! – улыбнулся и добавил. – Естественно, когда Балтика будет в моих руках...

– Они стараются тебя очернить. – Сильвестр начал догадываться, что с ним играют, как с мышью. Сомнений Иван не допускал – как чужих, так и собственных. – Ведь признать, что ты царь, означает признать, что Россия стала великой державой. А им это не выгодно. Вот и называют тебя тираном, мол, если первый царь у них такой, то, чего от них можно ждать.

– Знаю, знаю, дорогой отец, – Иван подошел к окну с резной рамой, поглядел на улицу. – Просто обидно. Неужели я настолько плох?

– Ты царь, – рискнул ответить протопоп. – И другого нам не нужно.

– мудро говоришь, отец. – Иван Васильевич обернулся, поглядел в глаза Сильвестра.

– У каждого своя правда, государь, – выдержал взгляд протопоп. – Ты хочешь потеснить их на море. Они же, как собаки, лают, а броситься боятся.

– Прав ты, как всегда, отец. Прав, – царь обошел вокруг гостя. – Не хватает мне сейчас Алексея Федоровича. Он бы сейчас меня ободрил. Умеет он это делать!

– Алексей Федорович в Ливонии...

– Да знаю я, что в Ливонии, – махнул рукой Иван.

Протопоп молчал.

– Да он же у меня ложничим и мовником был! Я его в окольничьи произвел. Не просто ж так я это сделал?

– Государь, если ты помнишь, я был свидетелем нескольких событий... – тактично умолк протопоп. Он успел пожалеть, что согласился на уговоры придти к царю.

Иван Васильевич сверкнул глазами, после вернулся на скамью, пригладил бороду.

– Недосуг мне сейчас рассуждать, что да как да почему. Уехал, – подвел итог царь. – Его воля.

Несколько мгновений затуманенным взглядом смотрел в одну точку.

– Так что привело тебя, отец, ко мне в столь ранний час? – спросил он.

– Ко мне пришел купец, – начал Сильвестр. – Яшка Сивый. Он вчера вернулся от хана Едигера...

– Помню, помню... – задумчиво погладил бороду Иван.

– ... с подарком.

– Подарок – это хорошо! Знает хан, на чьей стороне сила. Так что за подарок?

– Государь, о подарке пускай тебе расскажет Яшка Сивый... – замялся протопоп. – Слишком необычный подарок.

– Пускай, – махнул рукой царь. – Приведи ко мне этого Яшку.

– Он здесь, государь.

– Так пусть входит! – Иван приосанился, пригладил бороду.

Его не смущало отсутствие царских принадлежностей – неудачной дубины, тяжелого шара и колючей шапки – как про себя называл скипетр, державу и шапку Мономаха. Он считал, что потомка Августа должны узнавать в лицо, а не по державным символам.

И его узнавали.

Двери раскрылись, пропуская мужичка маленького роста с торчавшей клочками бородой. Купец остановился рядом с протопопом и до земли поклонился. Яшка старался не поднимать голову, чтоб не встретиться с проникновенным взглядом Ивана.

– С чем пожаловал? – строго спросил царь.

– Я... ездил на... восток, – запинаясь Яшка. – Закупал... там шкуры... зверей. И... когда хан Едигер узнал, что я купец... из Руси, то пригласил к...

– Какой подарок? – перебил Иван. Слушать испуганное бление купца в это утро ему хотелось меньше всего.

– По-подарок... очень... очень... бо-большой, – сильнее запинаясь, продолжил Яшка. – Если го-го-государь... позволит... то... мо-ои с-с-слуги... затащат... с-с-сюда...

Костер потрескивал сырыми бревнами. Пахло затхлыми листьями и мокрой землей. Летний день заволокло туманом, за семь шагов ничего не было видно. Как всегда в этом месте.

Вокруг на много верст ни души. Едигер специально выехал поздно вечером, чтоб к утру быть здесь, по расчетам в это время к Иоанну должны доставить подарок. Лощина, что пристроилась между трех холмов, удивительно подходила для предстоящего действия. Отец в детстве возил Едигера с братом сюда.

«Здесь, – сказал он в первый раз по приезду. – Страшное место. Вам могут привидеться странные люди. Не обращайтесь на них внимания. Будьте крепки духом. Только тогда они ничего вам не сделают».

Действительно, лощина оказалась, по меньшей мере, странной. Мальчики слышали крики, вопли, звон оружия, женский плач, детский хор, шепот, предлагающий погулять, рядом беспрестанно кто-то ходил, часто доносился запах гниения и странный звук, больше похожий на раздираемую плоть. И всегда туман.

Касым, отец Едигера и Бекбулата, не случайно выбрал эту лощину. Именно здесь он научил сыновей тому, за что в Европе сжигали невинных. Именно это место излучало энергию, способную при правильном использовании сделать невозможное. Отец много раз возил их сюда, многому учил. Бекбулат плохо впитывал знания. Едигер же старался запоминать каждое слово, каждую интонацию, каждое движение.

Он подставил руки ненасытному огню, будто чувствовавшему, что зажато в правом кулаке. Приятный жар разлился по телу. Хан улыбнулся, представил, как Бекбулат будет весь день врать, что брат заболел и не хочет никого видеть. Если учесть, что он плохой вун, то выходила занятная картина.

За спиной послышались легкие шаги. Они приближались.

Едигер продолжал греть руки. Он ждал того сердечного позыва, что должен оповестить о прибытии подарка к Иоанну.

Шаги смолкли за спиной.

– Пойдем со мной, – прошелестел приятный женский голос.

– Не приставай, – отмахнулся Едигер. Он чувствовал, что с минуты на минуту надо приступить к действию.

– Пойдем со мной, – настойчиво повторил приятный шепот.

Хан ощутил укол в сердце – признак готовности. Он кинул в костер зажатый в кулаке порошок. На мгновение огонь полыхнул, затем расплзся по земле, его языки потемнели, в них начали появляться детали обстановки.

Спустя несколько минут хан кошачьими глазами видел Иоанна.

В палаты втащили клетку с невиданным зверем. На первый взгляд обычная кошка, но большая и со странным окрасом. На густой серо-дымчатой шкуре черные кольцеобразные пятна, хвост длинный и пушистый.

Лицо Яшки покраснелось, в движениях появилась медлительность, а в глазах наглость.

– Хан Едигер, – начал он, когда слуги вышли, и стражники закрыли двери. – Заставил повторить меня семь раз его слова, чтобы...

– Так говори, раз заучил, – перебил царь, не сводя глаз с кошки.

Животное забилося в угол тесной клетки и смотрело на него со страхом.

Иван считал, и сызмальства учил сыновей, что царя всея Руси, потомка Августа, должны бояться.

И его боялись.

– Воины хана Едигера поймали этого зверя южнее озера Байгал-Далай, что на местном наречии значит «природное море», – начал Яшка. – Поймали, когда у него была сломана нога. Там повсюду горы, и воины предположили, что зверь упал со скалы. Он не подпускал к себе воинов, но его все равно удалось связать. Воины принесли зверя хану Едигеру. Старый хан очень удивился, увидав его. Он сказал, что давно живет, а такого не видел. Тогда он узнал, что я торгую у него шкурами и вызвал к себе. Мне сказал, чтоб я передал этого зверя царю всея Руси. Также сказал, что подарок олицетворяет неукротимую силу хана Едигера, которую смог укротить лишь Великий Иоанн.

– Так, а что это за бестия? – погладил бороду Иван.

Он встал и подошел посмотреть зверя поближе.

– Будь осторожен, государь, – предостерег Сильвестр, но царь не отреагировал.

– Как узнали воины хана Едигера, – отвечал Яшка. – Местные племена зовут его ирвиз, что в переводе означает «снежная кошка».

Иван обошел вокруг клетки, несколько раз стукнул ладонью по прутьям, вернулся на скамью.

– Местные жители, – продолжал купец, искоса поглядывая на кошку. – Почитают это животное! Оно у них вроде божества, что спускается с гор. Когда наступают холода, люди приносят ирвизам еду и...

– Открой, – приказал Иван.

Купец замолк.

– Государь, – Сильвестр отшатнулся. – Прошу тебя, государь, не делай этого. Это может быть опасно!

– Опасно?! – усмехнулся царь. – Опасно было, когда я возглавлял три похода на Казань. А сейчас я хочу, чтобы кошка погуляла!

Яшка побледнел, но приказа не послушался. Он отворил дверцы клетки и поспешно отошел к протопопу.

– Выходи, снежная кошка, – улыбнулся Иван. – Выходи.

Зверь выбирать не спешил. Он оглядел палаты, людей. Нагнув голову и медленно подошел к открытым дверцам.

Яшка, тем временем, маленькими шажками перебрался за спину Сильвестра. Такими же маленькими шажками перебрался в угол, наклонил голову и постарался притвориться, что его нет.

Зверь обнюхал пол и посмотрел на Ивана.

– Выходи, выходи, – подбодрил ирвиза царь. – Никто тебя не обидит.

Снежная кошка, словно сообразив, что ей говорят, вышла из клетки. Двигалась она медленно и осторожно. С первого взгляда Иван понял, что перед ним опасный хищник.

Едигер наклонился над пламенем, превратившимся в картину. Удачнее момента и выбрать невозможно. Хан рассчитывал на невообразимые трудности. Долго продумывал каждую мелочь, а оказалось все настолько просто – Иоанн освободил собственную смерть.

Едигер закрыл глаза. Секунды хватило, чтоб сосредоточиться. После произнес короткую фразу, больше похожую на карканье вороны.

Хан открыл глаза. Через секунду должно начаться убийство ненавистного человека.

Поглощенный событиями, разворачивавшимися за много верст от ложины, Едигер давно позабыл, что над ним что-то стоит.

Иван наблюдал в детстве за повадками кошек и даже пробовал повторять их подвиги. Маленького царевича всегда восхищали эти быстрые и сильные охотники, способные сделать убийство изящным. Он подолгу пытался с кошачьей скоростью забраться на дерево, поймать мышь, голубя.

А потом приходило разочарование и злость. Почему эти бестии могли сделать то, чего не мог он – царевич? Обычно находилась кошка, которую маленький Иван замучивал до смерти, а на следующий день вновь пытался повторять их подвиги.

Грация ирвиза завораживала. Он двигался таким образом, что с каждого шага мог нанести сильный удар. Даже пребывая в страхе неизвестности, зверь не потерял животной силы и ловкости, которые в каждом движении наблюдал Иван.

– Государь, – сказал Сильвестр, и кошка мигом обернулась на звук. – Я позову стражу!

– Не надо! – остановил Иван. – Он ничего не сделает.

Снежная кошка обошла вокруг клетки, обнюхала пол и одним прыжком оказалась в углу рядом с дверьми. Там животное бросило затравленный взгляд на царя, перевело на протопопа и купца.

– Я же говорил, – Иван наблюдал за зверем. – Он нас не тронет, так как не чувствует запах страха! – проговорил царь с особенным наслаждением.

Едигер все просчитал, но одного не учел. Животное попросту боялось нападать на того, кто совершенно не испытывал страх. Хан долго готовил зверя к этому убийству, но ирвиз медлил.

Хан до боли зажмурился, каркающие звуки разносились на всю округу, но зверь, за много верст от лошины меж трех холмов, отказывался исполнять задуманное. Хан открыл глаза, что есть сил, стукнул кулаком по колену. От злости хотелось рвать и метать, но Едигер нечеловеческими усилиями сдержался. Он вновь закрыл глаза и повторил два раза древние слова.

Яшка, забившись в угол за спиной протопопа, немного расправил плечи и заложил руки за спину. Купец знал, что сейчас должно случиться убийство. Он лишь не понимал, почему до сих пор не произошло.

За дверьми раздался приглушенный разговор. Не успел царь сообразить, в чем дело, как двери открылись, пропуская Анастасию. Этим утром царица выглядела невероятно хорошо. Длинные, черные волосы заплетены в две косы и повязаны косынкой (так она делала, когда сидела с бабами в собственной мастерской), платье надела ничем не примечательное и тем самым нравилась царю еще больше. В руках держала пелен.

– Государь, – сказала Анастасия с порога. – Я узнала, что ты не почиваешь, и пришла тебя порадовать!

Она тряхнула руками, разворачивая пелен. В этот момент стражники закрыли двери.

Когда царица развернула полотно перед лицом, то невольно взглянула вбок, где перепуганная стуком двери и резкими движениями застыла снежная кошка.

– Господи! – Анастасия уронила пелен, прикрыла рот руками.

Она сделала шаг назад, но, вспомнив о пелене, нагнулась подобрать...

Зверь почувствовал страх.

Одного прыжка хватило ирвизу, чтоб достигнуть Анастасии. Царица успела прикрыться пеленом, потому зверь не прокусил яремную вену, а лишь разорвал когтями платье, оцарапал бедра, да цапнул за плечо.

– Стража! – первым опомнился Иван Васильевич.

Стражники находились в возбужденном состоянии – не каждый день царю привозили невиданного зверя. Они как раз спорили, есть ли такой на Руси, когда услышали крик царя. Но стоило первому из них открыть двери, как в ногах у них проскочило огромное бело-серое животное. Спустя мгновение оно скрылось.

– Зосима сюда! – закричал Иван так, что его не только вся Москва могла услышать, но и хан Едигер.

Царь подбежал к Анастасии и упал на колени. Она находилась в сознании. В глазах больше испуга, нежели боли. Иван и сам видел, что раны незначительные. Из царапин кровь чуть-чуть выступила, а из укуса немного сочилась.

Доктор Линзей, служивший при дворе царя всея Руси, возвращался с коробком, наполненным отварами трав, от приболевшего боярина. В одном из коридоров, неподалеку от палат царя, встретил Аграфену – подмастерью царицы. Крик «Зосима сюда!» застал Линзея в тот момент, когда он раскрыл рот для очередной шутки, которые так любила Аграфена.

Линзею прозвище «Зосим» казалось настолько обидным, что в те редкие моменты, когда он позволял себе «принять на грудь», неизбежно плакал от досады на этого «Зосима».

Но Линзей давно осознал, что как Иван Васильевич скажет, то так и будет. Потому старался меньше пить.

Линзей так ничего Аграфене и не сказал, а, что есть сил, бросился на крик. Перед палатами никого – четверо стражников столпились в дверях. Иван держал на коленях голову царицы. Помимо них в палатах находился протопоп Сильвестр да какой-то мужичок с жиденькой бороденкой и настолько испуганными глазами, что Линзей поначалу подумал, будто помощь требовалась ему. Клетка немного удивила лекаря, но вопросы он решил оставить на потом.

– Все вон! – Иван не мог сдержать волнения, будь у него такие раны, то он бы их даже не заметил, но любимая женщина свята. – Этого... – указал царь на купца. – С этим я поговорить хочу!

Царь так недобро посмотрел на купца, что Яшка, шагая по коридору в сопровождении стражников, успел проклясть ирвиза, хана Едигера, уговорившего на убийство, и самого себя, согласившегося на это гнусное дело.

Иван прикрыл обрывками платья ноги царицы. Рассматривать там царапины, по его мнению, не стоило вовсе. Плечо же ей оголить пришлось. Линзей кинул единственный взгляд и облегченно вздохнул.

– Все будет хорошо? – Иван застыдился, что из-за каких-то царапин так разволновался.

– Ничего страшного, – пообещал Линзей. – Я сейчас сделаю примочку, а через неделю даже намека не останется.

– Постарайся Зосим, – Иван посмотрел на Анастасию.

Царица начала приходить в себя. Она достаточно осмысленно и даже с интересом наблюдала, как Линзей откупоривал пузырьки, смешивал их содержимое.

Дверь без стука отворилась. Иван поднял голову, чтоб посмотреть, кто же в его государстве столь бесцеремонен.

– Государь, – Сильвестр говорил тихо, протяжно. – Беда, государь!

– Что за беда? – похолодело у царя в груди.

– Арбат горит. Все бегут. Пожар очень сильный. Идет к Кремлю...

Иван моментально принял решение.

– Отвези царицу в Коломенское, – он аккуратно опустил голову Анастасии на пол, поднявшись, направился к дверям.

Поравнявшись с протопопом, шепотом произнес:

– Сделай все аккуратно...

– Государь?! Мне кажется я нужнее здесь!

– Ты нужнее там, где я скажу!

Сильвестр промолчал.

– Вот и я так думаю, – подытожил Иван.

Царь вышел. Он остался доволен тем, что отправил с Анастасией Сильвестра. Протопопа давно следовало помирить с царицей, а удачней повода не подобрать.

Едигер долго наблюдал за происходившем в черном пламени. Ирвиз напал на царицу, затем выскочил и побежал коридорами, залами, дворами. Хан смотрел глазами кошки за мелькавшей обстановкой, но мыслями находился далеко. Запланированное убийство не свершилось – предусмотрено было все, кроме животной реакции. Смерть, предназначавшаяся Иоанну, досталась его жене. Едигер ни капли не жалел царицу, но все же обидно, что погиб не царь всея Руси. Царь, что должен был помочь в трудную минуту. Царь, которому Едигер с братом доверились, а он только и мог, что дань собирать.

«Так зачем тогда такой царь?» – спросил у Едигера как-то брат.

Хан и не заметил, как кошка оказалась посреди огня. Она металась между пламенем, искала выход.

Выхода не было.

Едигер слегка дунул на расплзшееся по земле пламя. Оно потухло.

Про Яшку Сивого хан давно уж позабыл – не переведется на Руси жадность. Надо будет... найдется другой.

«Плохо другое, – подумал Едигер. – Как Иоанн узнает, кто виновен в смерти его жены!»

Конечно, он запугал купца, но достаточно ли? Хана начали терзать сомнения. Не сносить им с братом головы, если царь узнает, кто убил жену.

В том же, что царица умрет, Едигер ни секунды не сомневался. Несколько месяцев назад он собственноручно приготовил яд. Опаснейшее вещество, рецептом которого поделился с ним отец. Перед прибытием в Москву купец должен был накормить отравленным мясом ирвиза. А зверь, в свою очередь, через укус заразить царя. Хан практически не верил, что снежной кошке удастся убить Иоанна. Потому подстраховался ядом, который не сможет выявить ни один лекарь, пока человек не умрет.

Хан медленно поднялся, с досады плюнул в кострище.

– Ты умрешь через три года, – весенним ручейком разлился женский шепот. – От руки Кучума. Ваша династия умрет вместе с вами.

Едигер резко повернулся. Сзади ничего кроме тумана. Подул слабый ветерок. С собой он принес настолько невыносимый смрад смерти, что хан, согнувшись пополам от душивших спазмов, побежал прочь из ложины.

Эпилог

В наступившей, после того дня, «Эпохе террора Ивана Грозного», приближенные царя панически боялись даже упоминать об Ирвизе, отчего и получилось, что этот вид обнаружили лишь через сто лет после смерти Ивана.

Царь всея Руси, самолично отправился тушить пожар и настолько преуспел в этом деле, что сбежавшие от огня горожане и, в особенности, вельможи, завидя смелость Ивана, вернулись и, жертвуя жизнями, принялись гасить пламя.

Купца Яшку Сивого больше никто и никогда не видел. Поначалу поговаривали, что он вновь отправился к Сибирскому хану, но, в конце концов, договорились до того, что он и есть Сибирский хан. А спустя некоторое время о нем позабыли.

Сильвестр выполнил приказ и увез царицу в Коломенское. Он видел, что ее состояние ухудшалось день ото дня...

Когда Линзей рассказал Ивану Васильевичу, что в смерти царицы повинен яд, царь не сильно удивился. Где-то в глубине души он догадывался, что протопоп способен на убийство.

Поначалу Иван отправил Сильвестра в Соловецкий монастырь, затем перевел в Кирилло-Белозерский, а закончил протопоп жизнь в северных монастырях.

Об авторе:

Сергей Александрович Гончаров родился 18 марта 1987 года в Ростове-на-Дону.

Закончил электротехнический колледж и Литературный институт им. А.М. Горького.

Работал: разносчиком газет, продавцом, археологом, курьером, грузчиком, электромонтером, автомехаником, инженером КИПиА.

Рассказы публиковались в журналах: «Полдень XXI век», «Юность», «Знание-сила. Фантастика», «Урал» и других периодических изданиях.

Автор восьми романов в жанре социальной фантастики.

Роман «Сихирти» вошёл в финал премии «Писатель XXI века».

Ведёт блог в ВК «Новинки литературы»: https://vk.com/novinki_literatury
Сайт писателя: <https://goncharovsergey.ru>

Ида Мартин

Сердце обезьяны

Задание:

В тихом и спокойном Дорсете какой-то русский учёный пытался доказать Чарльзу Дарвину, что люди произошли от обезьяны, а русские – от медведя.

Я почти ничего не помню о своем детстве, которое проходило довольно легко и беспечно, под пристальным вниманием отца. Он был вынужден заботиться обо всех своих шестерых детях без посторонней помощи. Наша мать, Сюзанна, в девичестве Уэджвуд, умерла, когда мне было всего восемь. У меня остались лишь смутные воспоминания о высокой деревянной кровати, в которой она провела последние дни, и черном бархатном платье, неизменно висевшем на дверце темного шкафа. От этого мне всегда казалось, будто мама вот-вот собирается подняться с кровати и принарядиться.

Из окутанного туманом далекого прошлого, передо мной совершенно отчетливо предстает, пожалуй, только образ отца – высокого и весьма тучного человека, рост которого составлял не менее шести футов и двух дюймов. Он был самым крупным мужчиной из тех, кого я когда-либо знал. Мой родитель – добрейшей души и чистой совести человек, пользовался большим успехом как врач, хотя и не выносил вида крови.

Учеба в школе мне давалась с трудом, и я предпочитал уединенные прогулки в окрестностях Шрусбери, позволявшие мне предаваться размышлениям и созерцать природу, которая казалась бесконечно удивительной и много более познавательной, нежели школьные дисциплины. Как-то раз, отец с неприсущей ему строгостью заметил: «Ты ни о чем не думаешь, кроме охоты, собак и ловли крыс; ты опозоришь себя и всю нашу семью!». Но даже столь серьезное порицание не могло удержать меня от неосознанного стремления постичь величие окружающего мира.

Однако, одно событие детства, о котором я многие годы предпочитал не вспоминать, всё же на удивление прочно запечатлелось в моей памяти.

В тот день, мы с отцом и моим братом Эразмом, гостили в поместье Уэджвуд в Дорсете, принадлежавшем Элен Уэджвуд – незамужней кузине моего знаменитого деда Джозая Уэджвуда. Прежде милая и радушная женщина, по словам отца, со временем сделалась капризной и требовательной старухой. Я помню её неизменный чепец, прикрывающий гладко зачесанные седые волосы, и темно-синее платье узкого покроя, с белыми манжетами на запястьях. Кажется, она очень любила мою мать, поэтому для мисс Уэджвуд мы всегда являлись желанными родственниками.

Места вокруг поместья были изумительные: живописные поросшие кустарником холмы, сочные поля и густые леса, простирающиеся так далеко, что глаз не мог охватить их целиком.

Представляя разнообразие птиц, гнездящихся в кронах раскидистых тополей и дубов, красоту обитающих в цветущих лугах бабочек, обилие рыбы в маленьких озерах, я чувствовал восторженное предвкушение.

На следующий день после нашего приезда, я проснулся так рано, что в первый момент принял утро за вечер и лежал, прислушиваясь. Дом был совсем тих, и я понял, что близится новый день, потому что такая нерушимая тишина бывает только перед рассветом. И в самом деле, совсем скоро легкое розовое свечение наполнило комнату. Тихонько поднявшись, чтобы не разбудить Эразма, я сунул ноги в войлочные туфли и выглянул в окно. Предрассветная синева постепенно рассеивалась, и сквозь неё осторожно проступили: буковая аллея, отделяв-

шая сад от лужайки, арки, увитые колючими плетями роз, старый каштан, на котором круглый год хозяйничали белки, и тонкий шпиль деревянной часовенки.

Стараясь двигаться бесшумно, я наспех натянул плотные вельветовые штаны, накинул куртку и выскользнул из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь. Желание выбраться поскорее наружу так увлекло меня, что, сбегая по лестнице со второго этажа, я не заметил Марии – кухарки мисс Уэджвуд, вышедшей из кухни на звук моих шагов.

– Мистер Чарли! – воскликнула она удивленно, – Не могу поверить, что вы поднялись в такую рань.

– Доброе утро, – собираясь покинуть дом незамеченным, я был слегка смущен. – Хочу немного прогуляться до завтрака.

– Без чашки шоколада я никуда вас не выпущу. Доктор Дарвин будет очень недоволен, если узнает, что вы так не бережете свой желудок.

Мысль о горячем шоколаде пробудила во мне лёгкое чувство голода, и я без особого сопротивления согласился. Мария усадила меня на кухне, где уже завтракал Моррис, садовник мисс Уэджвуд.

Мария и Моррис были мужем и женой и работали в доме Уэджвудов более двадцати лет. Меня всегда удивляло, что внешне они сильно походили друг на друга, точно состояли в кровном родстве. Хотя на самом деле, я слышал, что родители Морриса выходцы из Голландии, а многодетная семья Марии едва сводит концы с концами в Уэльсе. И, тем не менее, в их лицах было очень много общего: круглые внимательные глаза, оттенка болотной травы, аккуратно уложенные пшеничные волосы, неизменный румянец на щеках.

«Должно быть, когда-то давным-давно их предки жили на одной земле, – думал я. – Иначе, каким образом в разных уголках Европы могли родиться дети со столь схожими внешними признаками?»

– И куда же вы планируете направиться, мистер Чарли? – поинтересовался Моррис, аппетитно уплетая овсяную кашу.

– Пока ещё точно не знаю, – ответил я честно. – Меня привлекает всё: и сад, и лес, и озёра. Я хотел бы осмотреться, ведь последний раз мы гостили здесь три года назад, после смерти мамы, и я уже многое подзабыл.

– Ваш отец рассказывал, что вы имеете большую склонность к охоте и ужению рыбы, а также коллекционируете яйца птиц. Я могу показать вам отличные места для рыбалки.

– Это было бы превосходно! – воскликнул я воодушевленно, и чуть было не обжегся о чашку, поставленную передо мной Марией.

– А что же мистер Эразм? – поинтересовалась женщина.

– Он предпочитает чтение и покой, – охотно отозвался я, – Он очень умный и серьёзный. Отец возлагает на него большие надежды.

Мария кивнула и многозначительно посмотрела на мужа. Тогда мне очень хотелось растолковать тот взгляд, но и сейчас, спустя много лет, я могу лишь строить догадки.

– В лесу будьте осторожны, – серьёзно сказал Моррис. – Вот уже второй день пастухи жалуются, что у них пропадают овцы. Похоже, в наших местах снова завелись волки.

Волками меня пугали и в Шрусбери, чтобы я не слишком увлекался прогулками, поэтому во избежание новых наставлений мне пришлось поторопиться.

Поблагодарив Марию, я поднялся из-за стола, и, выслушав её просьбу вернуться домой к десяти часам, чтобы позавтракать в обществе отца и мисс Уэджвуд, выскочил из дома.

Солнечное утро обещало чудесный день, а природа находилась в том своем изумительном цвету, какой принято описывать только самыми восторженными словами. Надо ли говорить, что голова моя пошла кругом и я, будучи любознательным одиннадцатилетним мальчишкой, решительно устремился исследовать окрестности.

Выбравшись на дорогу, проходящую мимо поместья, я огляделся. С одной стороны, на лесистом склоне, лежала крохотная деревня, впереди – изумрудный луг, а чуть поодаль дорога раздваивалась, углубляясь в обширную дубовую рощу, за которой высился густой, темный лес.

Вскоре до моего слуха донеслась характерная дребезжащая дробь – большой пестрый дятел. Я видел эту птицу всего несколько раз в Шропшире, и давно хотел отыскать его дупло с кладкой. На этот раз, это был крупный, яркий самец, который тут же затеял со мной излюбленную птичью игру. Дятел весело перелетал с одного дерева на другое, и стоило ему опуститься на новый ствол, как он издавал свою победную барабанную дробь. Лелея в душе надежду, что птица всё же приведет меня к своему дуплу, я непрерывно следовал за ним. Эта забава меня так распалила, что увела от поместья довольно далеко, и над головой высились уже не только резные кроны дубов, но и тёмные верхушки елей.

Повернув назад, я направился в сторону дома, но не прошло и пяти минут, как странная находка заставила остановиться. Благодаря привычке высматривать среди ветвей гнёзда, на стволе старого, с потрескавшейся корой вяза, я обнаружил клочок овечьей шерсти, и немало удивился. Клок повис футов в трех от земли, даже волк, рост которого в холке обычно не превышает двух футов восьмидесяти дюймов, не смог бы так высоко поднять добычу. Я осторожно снял шерсть и размял её пальцами.

Какой зверь мог это сделать? Любопытство привело меня через неплотно смыкающийся кустарник на небольшую поляну, где та же шерсть была разбросана повсюду. Присев на корточки, я осмотрел землю. Прошлогодние листья были пропитаны кровью, к ним розоватыми кольцами приклеились овечьи завитки. Никогда прежде в лесу мне не попадалось ничего, что могло бы причинить вред. И вот теперь, где-то поблизости находился тот, кто убил овцу и поднял её на три фута над землей.

Однако не успел я опомниться, как ветви позади меня затрещали, и из-за них появилась неуклюжая косматая фигура.

Человек выбрался на поляну и застыл прямо передо мной. Наружность он имел весьма странную, неопрятную и отталкивающую. Лицо его закрывала нечесаная борода, длинные спутанные волосы доходили до самых плеч, а из-под мохнатых насупившихся бровей на меня глядели два огромных черных глаза. На нем был надет теплый меховой жилет и высокие сапоги до колена, из-за пояса торчала рукоятка охотничьего ножа. Весь его вид внушал страх.

– Кто вы? – едва слышно пролепетал я, подспудно присматривая путь для отступления.

Незнакомец прищурился, вглядываясь в меня, точно я был крохотным, и почему-то сокрушенно покачал головой.

– Кажется, я немного заблудился. Вы должно быть лесник...

Но он продолжал смотреть на меня так же безмолвно, как и прежде, однако стоило сделать шаг, как он одним прыжком оказался рядом. Прижал заскорузлый палец к моим губам и забубнил полусшепотом:

– Молчать, молчать. Не говорить. Про здесь не говорить.

– Вы не хотите, чтобы я рассказывал о встрече с вами?

– Никому, – повторил он, кивая. – Я буду умирать. Святогор умирать. Не можно говорить.

Он с трудом подбирал слова, выговаривая их с акцентом, который никогда доселе мне не приходилось слышать.

– Хорошо. Не скажу, – растерянно пообещал я, в этот момент можно было согласиться с чем угодно. – Ни про вас, ни про овец...

– Овца. Две овцы я взять. Да. – Он отодвинулся от меня, и в подтверждении своих слов принялся размахивать руками.

Дышать стало легче.

– Не себе взять. Святогор очень плох. Очень.

Человек внезапно вскинулся, черные глаза-колеса возбужденно завращались, взгляд переметнулся вправо, к высоченной ели, и застыл у её подножья. Я проследил за ним и был потрясен увиденным.

Большой бурый медведь лежал на подстилке из мха и травы. Его голова покоилась на передних лапах, глаза были прикрыты, морда – стянута красным ремешком.

Незнакомец схватил меня за локоть своей огромной лапой и подтолкнул к медведю. Зверь никак не отреагировал на наше появление, и только вздымающиеся бока указывали на то, что он живой.

– Святогор, – сказал бородач, точно знакомя нас, и в голосе его послышались теплые нотки. – Бедный мой медведь. В него стрелять. На охоте. Но Святогор добрый, не дикий. Мы из русского шاپито. Я – Григорий, – он похлопал себя по груди. – Хозяин наш – Пахом, в прошлый год отдал нас графу Бофору на потеху. Мы гостей веселить: петь, танцевать, различные вещи делать. Святогор добрый, сахар любит. За него любой фокус покажет. Гости графа злые, обижать его часто: пинать и обзывать. Они не знают медведей, бояться. А ты не бойся. Его русские дети любить. Его все русские любить.

Григорий легонько потрепал Святогора за ухом. Тот едва слышно заворчал и приоткрыл глаза. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, точно безмолвно переговариваясь, после чего медведь снова опустил тяжелые веки.

Моё любопытство превзошло страх, и я подошел к зверю поближе, чтобы лучше разглядеть его. Тело у него было мощное, напоминающее огромную золотисто-коричневую глыбу, около шести с половиной футов в длину, на лапах – опасные черные когти, а нос курносый, подвижный и вполне миролюбивый.

– Так вы из России? – заинтересовался я. – Никогда раньше не видел русских. Хотя, в самом деле, слышал, что они живут под одной крышей с медведями. Неужели такое возможно? По своей природе медведь совершенно не склонен к одомашниванию. Возможно, это касается отдельных...

Русский хмыкнул и пожал плечами. Сложно было сказать, понимает ли он смысл моих слов. Вместо ответа он погладил Святогора по широкому круглому лбу, удивительно ласково провел пальцем по переносице и неожиданно сказал:

– Урсус.

– Что?

– Урсус, – сказал он так же отрывисто и тихо.

Я подумал, что это какое-то специальное русское слово и охотно повторил за ним:

– Урсус!

– Тихо, громко нельзя, иначе отзовётся он и придет, – зашипел на меня Григорий. – Все русские происходят от самый старый и самый главный медведь. Его нельзя просто так звать, он будет злой. Но Урсус велик и силен, он жалеть хороших и наказывать плохих. Если он захочет, то помогать своим детям: мне и Святогору. У нас с ним общая кровь.

Не удержавшись, я попытался оспорить столь нелепые рассуждения:

– Вы определенно заблуждаетесь. Всех людей создал Бог, по своему образу и подобию.

– Неужели? – и без того круглые глаза Григория ещё больше расширились.

– Три дня назад граф взял Святогора на охоту для гостей. Они травить его собаками и стрелять. Я умолять и просить не делать этого, я плакать, но граф наказывать меня плеткой. Они травить ручной медведь собаками! После я убежать в лес и искать его долго-долго. Находить живым, но очень плохим. И ты думать, что все эти люди походить на Бога?

– Ну, а как же иначе? – другое мне никогда и в голову не приходило.

– Да разве Бог он такой? Разве он потешаться над слабыми? Разве он убивать живое для веселья? Бог создавать мир, природу, любовь, но не человека.

Его слова были мне не понятны. В нашей семье никто и никогда не рассуждал о религиозных верованиях, хоть моя мать и принадлежала к унитарной церкви. Эти вопросы не ставились под сомнение и не подлежали обсуждению, как и любое отступление от веры.

– Откуда же, по-вашему, тогда взялись люди?

– Люди родились от обезьяны. У них и по сей день сердце обезьяны, – уверенно сказал Григорий. – Я в разных городах бываю. Много ходить с шапито. Много знать людей. Наполеона видеть. Всё человеческое племя идет от этих хитрых двуличных тварей. У нас в шапито быть такая – Луиза. Когда с хозяином – тихая и смиренная, а только он за порог, как она шпильки хватать, да в живность прочую тыкать. Крольчонка без глаза оставлять, пса хорошего калечить, Святогору лапу дырывать. Забавляло её всё это...

– Ну, а как же русские? Урус?

– Люди – от обезьяны, русские – от медведей, – лаконично подытожил Григорий, жалостливо глядя на Святогора.

– Ты иди, иди, – подпихнул он меня в плечо. – Про Святогора никому не говорить. Он хороший, добрый.

Щеки русского как-то странно заблестели, он наклонился к медведю и стал заботливо наглаживать тому бока. Я понял, что Григорий плачет.

Находясь под сильным впечатлением от необычной встречи, я кое-как выбрался на дорогу. От былой приподнятости духа не осталось и следа.

Когда я добрался до дома, вся семья завтракала на веранде. Издалека был слышен раскатистый голос отца, по своему обыкновению он рассказывал очередную историю из своей врачебной практики.

– И вот вхожу я к нему в спальню, а там уже и священник к изголовью прибыл, и жена в черное обрядилась. Вхожу, шторы-то отодвигаю, окно приоткрываю. Болезни, говорю, у вас никакой не выявлено, и вряд ли вы распрощаетесь с жизнью раньше, чем Бони, ну, Наполеон, выберется с острова Святой Елены.

– Отец, а как ты считаешь, Россия и в самом деле так сильна, раз сумела дать пинка Бонапарту? – осторожно спросил Эразм.

Если доктор Дарвин начинал говорить о своих пациентах, он мог это делать часами, и для того, чтобы перевести разговор на другую тему, требовалось поинтересоваться его мнением в каком-либо не менее существенном вопросе.

– Это вполне вероятно, – охотно откликнулся доктор. – Он полагал, что сможет задушить нас, если завоюет Россию, но сильно просчитался.

– Точно, точно, – проскрипела мисс Уэджвуд. – Этот орешек оказался ему не по зубам. Как там было у Фрира:

О шкуре Альбиона алчно бредя,
На выделку ее, мы узнаем,
Парижские дельцы дают заем.
Эй, шкурники, а кто убьёт медведя?

Они дружно засмеялись.

Моё появление прервало столь бурное веселье и три пары глаз выжидающе уставились на меня.

– Доброе утро, – сказала Элен Уэджвуд, – Удачно ли прошла прогулка?

– Доброе утро, – отозвался я, адресуя свое приветствие всем собравшимся. – Великолепно. Спасибо.

В этот момент из дома появилась Мария, неся поднос с кофейными принадлежностями. При виде меня она приветливо заулыбалась:

– Не угодно ли мистеру Чарльзу горячего тоста с сыром?

– Да, Мария, я очень проголодался, – отозвался я, всё ещё наблюдая за отцом. Сложно было предугадать, как он отнесся к моему отсутствию за завтраком.

– Что ж, – сказал доктор дружелюбно. – Давай рассказывай, какое оно – раннее утро в Дорсете.

– Чудесное, – восхищенно признался я, стараясь припоминать всё, что видел до встречи с русским. – Представляешь, отец, я почти выследил Большого пестрого дятла. Сейчас его встретить – это большая редкость. Мне очень хотелось добавить в свою коллекцию его яйцо.

– Превосходно. Я рад, – ответил он сдержанно.

После завтрака Рас с отцом отправились на конюшню, Морис обещал показать им новорожденного жеребенка дартмурского пони. Брат был страшно удивлен, когда я отказался сопровождать их. Вместо этого я удалился в сад, на скамейку под цветущий каштан, чтобы остаться наедине со своими размышлениями. Моё сердце переполняло сочувствие к отчаявшемуся русскому, столь крепко привязанному к своему умирающему питомцу. Поистине человеческая жестокость не знает границ! Но я мог поклясться, что знаю немало добрых и отзывчивых людей. Мой отец, например, его сердце сострадало не только физическим тяготам своих подопечных, но было отзывчиво и к их душевным невзгодам.

Что бы сказал он, узнав, как там, в глуши леса одинокий и никому не нужный человек оставлен на произвол судьбы? Как бы отнесся отец к тому, что я утаил правду и позволил человеку погибнуть?

– Быть может отец сможет вылечить Святогора? – Неожиданно пришла мне в голову утешительная мысль. – Он отличный доктор и когда медведь поправится, обязательно поможет устроить их обоих в цирк. Кроме того, потом можно будет обратиться к Джозая Уэджвуду. Уж кто-кто как не дед умел замолвить словечко за нуждающегося в помощи.

Вдохновленный прекрасным замыслом, и не замечая ничего вокруг, я вскочил со скамейки и тут же чуть не сбил с ног Элен Уэджвуд, неожиданно появившуюся на дорожке в сопровождении своей гувернантки мисс Баклер.

– Так, так, молодой человек, умерьте свой пыл, – старуха уцепилась за перила скамейки и грузно опустилась на неё. Затем пренебрежительным взмахом пальцев велела мисс Баклер уйти.

– Мисс Уэджвуд, я вернусь через полчаса. Сегодня холодный ветер, – чопорно произнесла гувернантка и удалилась.

Элен Уэджвуд накрыла мою руку своей холодной высохшей кистью:

– Итак, извольте сообщить, мистер Дарвин, какие тревожные мысли омрачают ваше юношеское чело.

Такой прямолинейный вопрос застал меня врасплох. Но, боясь показаться невежливым, вместо подобающего ответа я задал встречный вопрос:

– Мисс Уэджвуд, а как вы считаете, возможно ли такое, чтобы человек появился на свете не от Бога, а каким-то иным способом?

– Ты говоришь о волшебстве? – переспросила она.

– Нет, иное, например, если бы он родился от медведя или обезьяны?

Элен удивлённо наклонила голову на бок, строго посмотрела на меня и внезапно расхохоталась:

– Это было бы весьма любопытно, дорогой. Точно у собаки может родиться котенок, а у сороки цыпленок. В мире у всего есть свои правила, и Бог внимательно следит, чтобы они соблюдались. Обезьяна никогда не сможет воспроизвести на свет человека, а вот человек, вполне может превратиться в обезьяну, если будет постоянно вот так сутулить плечи, – и она больно шлепнула меня по спине, заставляя выпрямиться.

– А наоборот? – моё детское любопытство не так просто было унять. – Обезьяна могла бы превратиться в человека, если бы перестала сутулиться?

– Ну, знаешь, – она насмешливо скривила губы. – Я была бы сильно удивлена, если бы ты смог отыскать хоть одну такую обезьяну.

Вспоминая впоследствии этот разговор, я пришел к выводу, что именно он во многом позволил мне в своих умозаключениях продвинуться дальше Уоллеса и опубликовать «Происхождение человека». Работая над этой темой, признаюсь честно, мне очень хотелось найти подтверждение тому, что человеческий род мог развиваться из организмов различных видов. Например, эволюционировать от медведя. Однако никаких веских доказательств данному факту мною не было выявлено. За исключением, пожалуй, странной находки в местечке Неандерталь, где были обнаружены необычные останки. Поначалу они были приняты за кости пещерного медведя, но позже выяснилось, что, не смотря на внешнее сходство со зверем, найденный череп, по своему строению, несомненно, принадлежит человекообразному существу. Дальнейшие же попытки исследований в этой области зашли в тупик.

Возвращаясь к своему рассказу, замечу, что после разговора с мисс Уэджвуд, я вовсе не забыл о своей благонамеренной затее и немедленно отправился к отцу. Я рассказал ему всё, что случилось со мной во время утренней прогулки, чем вызвал его немалое беспокойство. Слезно умоляя отца вылечить несчастного зверя, я понимал, что возможно совершил ошибку, но сделанного было не вернуть, и уже через полчаса он и Моррис, прихватив ружья, отправились в лес. Мне же, как и Эразму, велено было оставаться дома.

Прождав возле окна не менее двух часов, я незаметно забылся глубоким сном. Разбудило меня необычайное оживление, доносившееся с первого этажа. Громче всех звучал отрывистый голос доктора Дарвина и встревоженные восклицания Марии. Я вскочил с кровати и со всех ног бросился вниз. Пока я сбегал по лестнице, в моей голове одновременно пронеслось множество вопросов. Неужели они принесли Святогора сюда? Где интересно разместят медведя? Как скоро он поправится?

Отец, Эразм, Моррис столпились в дверях кухни, так, что я не мог видеть, что там происходит.

– Всё хорошо, – успокаивающе говорила Мария. – Вот и суп, вот и пирог.

– Ну что? Где Святогор? – крикнул я Эразму, первому заметившему меня. Вместо ответа он дернул за рукав отца и кивком головы указал в мою сторону. Тот обернулся и широко расставил руки, давая понять, что рад меня видеть и готов обнять.

– Ты вылечил его? – спросил я прямо, как только его массивные руки легли мне на плечи.

И тут я всё понял, по выражению его лица, по виноватому взгляду Морриса, по напряженному молчанию Эразма.

– Как же так? – я отступил на шаг. – Вы оставили его там? Но он же не дикий...

– Понимаешь, Чарли, медведя невозможно было спасти, он потерял слишком много крови. Он всё равно умирал, – сказал отец.

– То есть, ты хочешь сказать... – я не решался озвучить своё предположение.

– Да, Моррису пришлось застрелить его. Но это было единственное правильное решение в такой ситуации... Зато Григория мы привели сюда и сейчас Мария пытается накормить его.

В моем возрасте, в присутствии других мужчин, было бы весьма постыдно разрыдаться, поэтому я попросту отвернулся от них. Но через секунду понял, что должен увидеть Григория, и, отстранив Морриса, протолкнулся на кухню.

Григорий сидел за столом, уронив голову на руки, а перед ним на нескольких тарелках была выставлена аппетитная стряпня Марии. Яблочный пирог, внушительный кусок ревеневого пудинга, ещё дымящаяся вареная морковь и брокколи под чесночным соусом, чашка аро-

матного супа и полный стакан джина. Но тот не притронулся ни к чему, плечи его сотрясались от рыданий.

Я вошел и остановился прямо перед ним, не подобрав утешительных слов, не находя оправданий и объяснений.

И тут, точно почувствовав мое бесшумное появление, Григорий неожиданно поднял голову и вонзил в меня свой черный, затуманенный от слез взгляд.

Несколько долгих секунд мы глядели друг на друга, возможно стараясь постичь происшедшее. Затем Григорий громко и отчетливо произнес какое-то русское слово. Это слово больно хлестануло меня. Даже не догадываясь о его значении, я невольно ощутил его скрытый смысл, и в сильнейшем смятении выбежал из кухни. Больше я никогда не видел того русского.

На другой день отца вызвали к постели умирающего в Шрусбери, и мы были вынуждены покинуть Дорсет. А в следующем году, сразу после Пасхи, к нам пришло известие о смерти Элен Уэджвуд и больше в её поместье мы никогда не появлялись.

Однако, хотя природа и не заложила в мою натуру ни малейшей склонности к языкам, но, то русское слово долго не давало мне покоя, всплывая в памяти снова и снова, до тех пор, пока я не повстречал на «Бигле» одного русского матроса и не выяснил, что в действительности оно означает – «обезьяна».

Об авторе:

Ида Мартин – писатель, копирайтер, журналист. Родилась в Москве, закончила Литературный институт им. А.М.Горького. Публиковалась в журналах «Москва», «Химия и жизнь», «Юность», «Литературной газете» и других периодических изданиях.

Автор повести «Дети Шини». Лауреат премии «Рукопись года» 2017 в жанре young adult.

Марина Кулакова

По-единок

Задание:

В Коломне Ивану Андреевичу Крылову представили собаку, которая могла съесть больше, чем он.

Иван Андреевич всю дорогу, пока трясся в экипаже из Петербурга в Коломну, был погружен в мрачные мысли. С одной стороны, его визит необходим, с другой – очень не хотелось участвовать в навязанном ему поединке.

Однако после отставки у князя Голицына драматург располагал свободным временем, которое можно потратить на такую ерунду, как пустячный спор с азартным Михаилом Евгеньевичем за игрой в карты и, как следствие, поездку в подмосковную губернию Коломну. Пари могло бы и не состояться, не обмолвись один из игроков, что великий Карамзин, дескать, тоже участвовал в коломенском состязании, да не справился с соперником. Правда, в газетах об этом не писали, и, возможно, информация была недостоверной, но у Ивана Андреевича, извечного оппонента «карамзинистов», тут же загорелись глаза...

Мимо проплывали, точнее, проползали скромные деревушки. Несколько встреченных собак с чувством обляяли путешественников, на что кучер произнес такую заковыристую фразу, что Иван Андреевич полез в саквояж за письменными принадлежностями. Все может пригодиться. Несколько лет назад он закончил шуто-трагедию «Подщипа», где в речи персонажа – князя Слюняя использовал манеры своего стародавнего знакомого. Получилось весьма потешно, но с тех пор знакомый обиделся и предпочел перейти в категорию незнакомых.

Около полудня экипаж въехал в городок, покругил вокруг деревянных построек и наконец, остановился возле каменного грязно-серого дома, находящегося поблизости от Соборной площади. Вдалеке виднелись переливающиеся на солнце купола Успенского собора, по узким улочкам празднично прогуливались местные жители.

Иван Андреевич с трудом выбрался и огляделся. В этот летний день он чувствовал себя как рыба, вынутая из водоема. Писатель, несмотря на свои неполные сорок лет, уже был довольно полным и начал страдать одышкой.

– Ну, приехали, что ли? Это гостиница? – Иван Андреевич ткнул пухлым пальцем в не очень презентабельное здание, представшее перед путешественниками.

Кучер равнодушно пожал плечами, мол, «а вы, сударь, что хотели-то увидеть в провинции, дворец-с?».

– О, Иван Андреевич! Приветствуем, приветствуем! Добро пожаловать! – Два седоволосых господина, будто появившись из воздуха, торопливо подбежали к гостю. Одетые в старомодные камзолы, они представляли бы собой обычных провинциальных старичков, если бы не их трости, украшенные золотыми набалдашниками.

– Михаил Евгеньевич, Николай Прокопьевич, взаимно! Однако ж куда вы изволите проводить меня? Неужто в эту величественную постройку? – гость иронично поднес ладонь к глазам, всматриваясь в здание, которое словно скукожилось от стыда под взглядом столичного привереды.

– Ох, Иван Андреевич, простите великодушно. Вы даже представить не можете, как там внутри чисто и удобно. Все приготовлено специально для того, чтобы вы отдыхали и набирались сил до вечера, – слегка подбостривно пропищал старичок, именуемый Николаем Прокопьевичем.

– Должен заметить, вам, дорогой друг, придется потратиться немного, а уж если вы выиграете спор... – деловито начал второй.

– Не «если», дорогой Михаил Евгеньевич, а «когда»! – поправил писатель, вручая сак-вояж подбежавшему мальчишке.

В гостинице, оставшись один, он, скинув пыльный сюртук, подошел к окну, распахнул ставни и принялся рассматривать пейзаж. Коломна по праву славилась живописной природой, красавицей рекой Окой, церквями, башнями и прочими достопримечательностями. С трудом отлепив взгляд от пейзажа, Иван Андреевич со вздохом подавил в себе желание спуститься вниз и перекусить расстегаями. До назначенного срока оставалось еще часа четыре, но рисковать было нельзя. Он неторопливо принялся распаковывать вещи, как вдруг над самой головой просвистел камень и, ударившись о стену, замер на полу. Драматург вздрогнул от неожиданности и, шагнув к окну, осторожно выглянул. Во дворе никого не было. Опасаясь, что бросок все же может повториться, он отошел в сторону и задумчиво уставился на метательный снаряд.

Внезапно в дверь постучали. Постоялец на всякий случай поднял загадочный камень и буркнул:

– Ну, войдите.

На пороге появилась немолодая горничная:

– Простите, что беспокою вас. Вам просили передать вот эту записку, – женщина протянула немного грязный, сложенный вдвое кусок бумаги.

– От кого? – сурово спросил тот, принимая послание.

– Не могу знать. Какой-то мальчишка сказал, что от некоего дяденьки для Ивана Андреевича Крылова, принимающего участие в нашем ежегодном коломенском турнире... Больше ничего не знаю.

– И кто кинул камень в мое окно, вы тоже не знаете? – ехидно сказал Иван Андреевич, показывая булыжник.

– О боже! – всплеснула руками горничная. – Это, должно быть, мальчишки дворовые хулиганят.

– Примите меры. Совсем вы тут, в ваших провинциях, распоясались! – сердито процедил собеседник, хмурясь.

– До вечера мы все уладим! Прошу извинить за причиненные неудобства!

– Ничего себе неудобства! Безобразие! А вдруг это покушение на меня? А если меня тут у вас закидают камнями? – разошелся гость и угрожающе направился к своей собеседнице. – Поселите меня в другом номере!

– Да, конечно, конечно... Сегодня же мы переселим... Не волнуйтесь... – лепетала горничная, медленно отступая в коридор. Нащупав ногой ступеньку, женщина резко развернулась и побежала по лестнице.

Драматург с треском захлопнул за ней дверь и, наконец, развернул бумажку. На ней корявыми буквами было написано следующее:

«Ежели вы, господин Крылов, еще не передумали участвовать в соревновании, то настоятельно рекомендуем передумать. Или коли вы изволите все же явиться, то еще более настоятельно просим вас проиграть. Поверьте, это в ваших же интересах. В противном случае вы пожалеете. В Коломне еще много камней. Подумайте. Доброжелатели».

Прочитав, Иван Андреевич презрительно хмыкнул. Затем, на всякий случай прикрыв ставни, достал письменные принадлежности, обмакнул перо в чернильницу и на другой стороне бумажки уверенной рукой начеркал ответ. Писатель не чурался крепких выражений, и на сей раз ему пригодилась фраза, сказанная по дороге кучером. Разумеется, в письме она получила некую литературную обработку.

Спустившись, Иван Андреевич отдал послание горничной на тот случай, если кто-то придет за ответом, и потребовал себе две порции расстегав за счет заведения. Но поразмыслив,

отменил заказ и поднялся обратно в комнату. Едва постоялец прилег на кровать, как в дверь снова постучали.

– Кто? Что? – прорычал драматург, поднявшись с несвойственной ему быстротой. – Не гостиница, а проходной двор!

Дверь, оказавшаяся незапертой, тихонечко приоткрылась, и в комнату робко вошла миловидная девушка. Гостья остановилась и принялась теревить светлый локон, выбившийся из-под чепчика.

– Кого вам угодно, сударыня? Что привело вас ко мне? Может, у вас найдется для меня записка или, на худой конец, камень? – преувеличенно почтительным тоном сказал Иван Андреевич, раздосадованный, что посетительницу невежливо просто выставить за дверь.

– Записка? У меня нет записки... И камней... Извините, что беспокою вас, но я не могла не прийти. Когда я узнала, что вы, такой великий писатель, посетили наш уездный городок, я не сдержалась и пришла, чтобы выразить вам свое почтение и восхищение!

– Что ж, милое дитя, вы достигли своей цели. Я весьма польщен. – Иван Андреевич с любопытством взирал на девушку.

– Но, может... Быть может, вы примете в знак почтения от меня и моей семьи скромный подарок? Я напекла пирожков и хотела бы угостить вас ими...

– Извините, барышня, но я, как ни странно, еще не проголодался. Так что простите, мне хотелось бы отдохнуть.

– Но могу ли я оставить вам угощение на тот случай, если вы передумаете? – предприняла последнюю попытку девушка.

– Нет, нет и нет. Идите лучше нищих накормите. Заодно сделаете доброе дело.

Выпроводив незваную гостью, страдалец, наконец, принял горизонтальное положение и попытался расслабиться. Однако заснуть так и не удалось: то и дело мерещились подозрительные звуки.

Спустя несколько часов, ровно в назначенное время, Михаил Евгеньевич повел гостя на площадь, находящуюся возле кремлевской стены, кое-где полуразрушенной, но все еще не потерявшей своего бывшего великолепия.

Тем временем на месте будущего турнира уже собралась кучка людей, с любопытством поглядывающая на приготовления. Под вечерними лучами солнца несколько мужчин быстро соорудили помост. По бокам стояло несколько глубоких кресел, а чуть поодаль расположился небольшой стол, а также стул, вздыхающий под тяжестью сидящего на нем журналиста.

Один из участников конкурса уже был на месте: лохматый Фока, главный желудок и гордость Коломны, неспешно прогуливался по площади и выжидающе смотрел по сторонам. Вот уже четыре года он был непобедимым и непревзойденным едоком. Слава о нем и его аппетите докатилась аж до обеих столиц. Год назад Коломну посетил сам Карамзин и пожелал соревноваться с Фокой. Но куда уж этому малоежке тягаться с ним!

Идея создания замечательного турнира принадлежала старику Демьяну Демьянову. Его подопечный Фока отличался настолько неумеренным аппетитом, что мог за раз съесть столько, сколько один человек за неделю. Старик решил сыграть на этом и не прогадал. Турниры по поеданию прижились и проводились ежегодно в один и тот же день – шестнадцатого июля. В сей день местные власти готовили невероятное количество еды и выбирали двоих участников, которые должны были кушать до тех пор, пока кто-то из них не скажет или не пробулькает: «Сдаюсь!» За победу полагались ценный приз и хвалебная статья в городской газете. На соревнующихся делали ставки, и вот уже четыре года выигрывали поклонники Фоки. После мероприятия остатки неиспользованной провизии раздавались всем желающим.

Антон Спиридонович, бессменный ведущий конкурса, бегал туда-сюда, созывая прохожих. Из высокопоставленных лиц на мероприятии обещал быть лишь заместитель губернатора, так как сам губернатор сказался больным. Однако недавно Антон Спиридонович получил

записку, что и тот заболел «чем-то неожиданным и весьма опасным, по симптомам схожим с болезнью губернатора, ибо обедали они всегда за одним столом...».

Простой народ подтягивался, а вскоре подошел и сам Иван Андреевич. Он не очень любил пешие прогулки, но эта позволила ему еще добавить голода.

Фока с явным презрением поглядел на соперника. Его не испугал даже заметно выпирающий живот.

«Ну уж... Видали мы таких оппонентов...» – подумал он, а вслух лишь громко задышал, далеко выпростав из своей пасти язык.

Не шибко многочисленная публика замерла. Коломенский журналист, лениво обмахивавшийся бумажками, отнюдь не спал, а жадно взирал на аппетитные приготовления.

Вскоре перед дуэлянтами поставили по огромной порции ухи. Собака и человек одновременно потянули носами воздух.

– На счет «три»: раз, два-с, три-с... – скомандовал Антон Спиридонович.

Иван Андреевич ел жадно, в отличие от собаки, пытавшейся поначалу сохранить приличия цивилизованного животного XIX века. Но, глядя на не церемонившегося противника, пес позволил себе отдаться инстинкту. Он первым доел свою порцию и удовлетворенно облизался. Уха была хороша! Наваристая, жирная, с янтарной пленочкой и щедро сдобренная свежей зеленью. Одним словом, и для человека-то деликатес, а уж для собаки тем более. На второе подали жареные цыплячьи грудки, на третье – любимые Иваном Андреевичем расстегаи, на четвертое – говяжьи отбивные, а затем блины с вишневым вареньем и сметаной. Соперники теперь ели не спеша, тщательно прожевывали пищу и делали небольшие паузы, чтобы перевести дух.

Публика то расходилась, то возвращалась, ведь, чтобы смотреть в течение нескольких часов на уничтожение вкусовостей, надо иметь поистине железные нервы. У многих текли слюнки, и, не сдержавшись, они покупали у лавочников, неспроста расположившихся неподалеку, какую-нибудь снедь. Журналист сонно что-то скреб пером в бумажках, с раздражением отгоняя мух.

Время шло, а соперники, подбадриваемые редкими возгласами из толпы, упорно продолжали состязаться. Наконец, бросив взгляд на очередное лакомство, собака закатила глаза и чуть было не завалилась на бок. Теперь она напоминала лохматый воздушный шарик с малюсенькими и, казалось, лишними, лапками. Иван Андреевич тоже испытывал некоторый дискомфорт: ему пришлось расстегнуть пуговицу на сюртуке. Что и говорить, червячка он точно заморил и на последующие угощения поглядывал уже без особой радости и жадности. И все же с пирожками справились оба соперника, хотя дворняга раздувалась все больше и больше. Затем на помост внесли тарелки со сладостями. Мутными глазами пес посмотрел на последнее угощение и попытался пролаять «сдаюсь!», но вместо этого смог лишь издать глухой стон и лишился чувств.

– Победил господин Крылов! – прокричал Антон Спиридонович.

Публика горячо рукоплескала.

– Приз Ивану Андреевичу! Золотого слона! – торжественно приказал ведущий, и молодая дама в нескромно ярком платье принесла на фарфоровом подносе небольшого золотого слоника.

Михаил Евгеньевич победоносно махал руками в воздухе, тогда как недавно подошедший Николай Прокопьевич со вздохом теребил в кармане сюртука скомканную бумажку... Увы, его ухищрения не помогли: ни камень, ни записка, ни оставленные лазутчицей пирожки. Вот как теперь предстать перед губернатором? Как оправдаться? Отчитает ведь...

Ввиду того, что Иван Андреевич временно не мог встать с места, приз поднесли непосредственно ему под нос. Победитель с трудом поднял руку, чтобы принять подарок, и со злорадством поглядел на поверженного соперника.

Вдруг из толпы вынырнул седобородый старичок с тарелкой уха в руках.

– Подождите! Еще не все! Не все! – закричал он, ковыляя к лежащей в сытом обмороке собаке. – Сейчас мой Фока еще скушает... Сейчас он встанет. Мы еще не проиграли!

Пес, услышав голос хозяина, открыл глаза и с ужасом уставился на приближающуюся к нему уху. В его голове пронеслась мысль, в переводе на человеческий язык означающая: «Караул!» Кое-как сгруппировавшись, Фока медленно попятился.

– Ну, куда же ты, Фокушка? На, ухи поешь... Всего одну тарелочку... Ну, пожалуйста, – отчаянно молил старик, пытаясь догнать питомца.

Но тот, пользуясь еще меньшей скоростью хозяина, «взял себя в лапы» и что было сил, бороздя пузом мостовую, пополз вглубь развеселившейся толпы.

Люди расступались перед забавной парочкой и даже не пытались помочь несчастному Демьяну, все еще не выпускавшему из рук тарелку.

– Господа, – произнес Иван Андреевич и взмахнул рукой. Толпа постаралась затихнуть. – Господа! Послушайте экспромт: «Скорей без памяти домой и с той поры к Демьяну ни ногой».

– Точно! Добила пса Демьянова уха, – поддакнул кто-то из зрителей.

Иван Андреевич погладил набитый живот и загадочно улыбнулся...

Об авторе:

Кулакова Марина Викторовна, родилась в Москве, в 1985 году. Окончила школу в 2002 году. После школы поступила в Российский государственный социальный университет. Работала методистом Учебно-методического центра, оператором ПК, менеджером, документо-ведом. Параллельно работала внештатным корреспондентом районных газет. В 2009 году окончила РГСУ и в этом же году поступила в Литературный институт на заочный факультет. Учась в Литературном институте, начала понемногу печататься в «толстых журналах», работала внештатным корреспондентом «Литературной газеты» (2010-2011 гг), курировала литературную студию при редакции журнала «Юность» (2013-2015 гг). С 2008 года работаю в Литературном институте. Член Союза писателей Москвы.

Анна Лапикова

Одно желание для золотой рыбки

Задание:

Непростые отношения складывались у Михайлы Васильевича Ломоносова с карасём, которого он никак не мог поймать в пруду где-то под Петербургом.

– Вот вы, Иван Иванович, русский?

– А какой же? А ты, Михайло, скажешь, немец? – хихикнул камергер ее величества императрицы Елизаветы Петровны и неподобающе, но с удовольствием так икнул.

– Натюрлих! – заявил профессор химии Петербургской академии наук, подражая излюбленному обороту речи своей жены – немки, и гулкие раскаты смеха вырвались из могучей его груди.

Отсмеявшись и утерев рукавом холщовой рубахи пьяную слезу, академик пошел на попятную.

– Я не немец, а помор! – сказал важно и испытующе глянул на друга.

– Ха! Помор! Не слышал... Ик!

– Как же, милостивый государь? – удивился Михаил Васильевич и, по обыкновению натуры своей, вступился за правду. – Поморы – те, что по морю Белому живут и на Мурмане промышляют! «По-мо-рю», отчего и поморы. Морского ходу знают и по Ледовитому океану ходят.

– И что с того? Ну, ходят... – как-то сник Иван Иванович, зевнул, икнул и подпер тяжелую голову кулаком.

– А то, что на самодельных судах, на кочах то есть, они за треской, за полтосиной да за зверем морским до самого Груманта доходят.

– Началось! – закатил глаза Иван Иванович.

– И хоть тяжело дышится им, да вольно. Оттого во мне сила природная, и по духу я не крестьянин, не крепостной...

– Помор, стало быть?! – воскликнул Шувалов в попытке прервать поток умозаключений молодого академика.

Тот быстро-быстро закивал головой:

– Потомс... потомсв... тьфу, слово-то какое... нечистое.

А потомственный дворянин снова хихикнул, взгляд его полегчал, и темень хмельных глаз заискрилась лукавством. Будучи по натуре мягким и добродушным, Шувалов все же не мог удержаться от удовольствия в очередной раз сыграть на горячности академика.

– А докажи, Михайло, докажи! – хлопнул пустой рюмкой по столу. – Покажи, чему у поморов обучился, и наливай!

Михаил Васильевич схватился ручищей своей за штоф, зазвенел об рюмки, заморгал, призадумался.

– Может быть, коч смастерить?

– Зачем?! За здоровье матушки-государыни-императрицы Елисаветы Петровны – будем!

Михайло не закусывал, а Иван Иванович подвинул тарелку с сёмужкой, подхватил кусочек двузубой вилкой и аккуратно в рот положил.

– Ты мне лучше вот, рыбы напромышляй! – и указал на ближайшее к себе блюдо.

– Да завтра же всех карасей из пруда Петра Ивановича выловлю! – вскинулся профессор. – А если выполню и повеселю ваше превосходительство, порадуйте и меня, исходатай-

стуйте разрешение на недавнюю нашу задумку, потому как она только благо России принести может!

– Пóлно, пóлно, Михайло Васильевич, спор шутив, а ставка высока...

– Так ведь и цель высока! – провозгласил Ломоносов и уронил голову на грудь.

– Хорош! – восхитился камергер, с трудом поднялся из-за стола и, шатаясь, последовал в опочивальню.

Двоюродному брату Ивана Ивановича – графу Петру Шувалову в сорок шестом году императрица Елизавета подарила Парголовскую мызу под Петербургом. С тех пор прошло семь лет, и вязкая, заболоченная земля превратилась в ухоженный парк с аккуратными песчаными дорожками, фигурной формы озерами и прудами, а в центре ее бойко вымахал каменный дворец.

В малой кухне этого дворца приподнял с дубового стола чугунную голову свою Михаил Васильевич Ломоносов. Осмотрелся, увидел кухарку, кочергой из печи золу выгребавшую, и просипел:

– Глашка, плесни с ковша.

Напился, губы отер и обрел обычную свою громогласность:

– Баня топлена? Мыться желаю!

– Вы, Михайло Василич, как мужиком народились, так мужиком и прествитесь, – обиженно вымолвила кухарка.

– Не серчай, не гневайся, изящная, утонченная моя Глафира, – хрипло засмеялся Ломоносов и попытался ущипнуть необхватных размеров талию молодой прислужницы.

– Коли б ваша была, так и хватались бы, – ловко изворотилась кухарка, невольно зардевшись, как спелое яблочко. – Неужто баре так говорят? Оне всё «прошу» да «благодарю» выражаться изволят, а вы... душа темная!

– Душа темная, да ум светлый! Баре твои так изволят выражаться, – не без гордости сообщил ученый и вдруг, словно вспомнив о чем, встрепенулся. – Глашка, наготовь-ка мне хлеба, каши, червей.

– Червей-то почто?

А Ломоносов уже выходил из кухни, бормоча:

– Червей я сам накопаю, и опарыша нужно...

Раным-ранешенько, пока свежий утренний воздух не успел еще смешаться с теплом скупого августовского солнца, Михаил Васильевич сошел с крыльца Шуваловского дворца с удочками наперевес. Он направился напрямик в парк, к одному из прудов, который, как указали крепостные, был чисто карасевым. Ломоносов шагал размашисто, торопливо, чувствуя острое желание выиграть спор. И все же, подойдя к водоему и сбросив с плеча котомку с приманками, он чуть постоял, помешкал, потом вымолвил невольно: «Господи, благослови!» – и только тогда приступил к делу.

Часам к одиннадцати Михаила Васильевича разморило, и в полудреме ему начала мерещиться какая-то таблица, где все известные науке химические элементы располагались стройными рядами и столбцами, но тут к нему тихонько подкрался Иван Иванович и, хлопнув по плечу, поинтересовался:

– Ключет?

Михаил Васильевич вздрогнул, очнувшись, привстал, присел, снова привстал. Шувалов рассмеялся:

– Спит, собака! Признаться, я удивлен твоим нерадением.

– Разомлел на солнышке, ваше превосходительство. С рассвета сижу. Сейчас чудно мне привиделось.

– Что же?

Ломоносов наморщил лоб, потер пальцами переносицу.

– Пустое! Вылетело из головы.

Он медленно выпрямился, разминая затекшие члены, и рукой указал на довольно внушительную горку карасей, уложенных под сосновую сень на листья лопуха. А рядом с нею чего только не было насыпано: навозные черви, хлебные катыши, маслянистые комья каши, беле-ые опарыши, мотыль, овсяное зерно. И сам улов, и уйма приманок так поразили Ивана Ивановича, что рыболов счел нужным объяснить:

– Я, как удочки поставил, сразу жмыха растолченного к поплавкам для прикормки бросил. Не клевало с полчаса, потом на перловку и тесто брать начал. Даром что вода здесь как роса, ила на дне мало, и мотыля или червя он только по праздникам отведывает, а не взял! Страсть, какая рыба капризная.

Тут говорящий резко развернулся и бросился к снастям. Иван Иванович с легким волнением заглянул в водяное око пруда: срединный поплавок, покачнувшись, накренился набок. Шувалов замер, Ломоносов тоже. Он подсек в тот момент, когда поплавок полностью завалился, затем бережно подвел его ближе и ловким, уверенным движением выдернул весьма крупный, фунта на три, экземпляр.

Михаил Васильевич присоединил его к остальным и, сверкнув искорками, вспыхнувшими в ясных глазах, сообщил:

– Шесть штук осталось.

Иван Иванович недоверчиво взглянул на друга-ученого.

– Число верное, ваше превосходительство. За прудами графские егеря наблюдают особо, поскольку карасей этих Петр Иванович так любит, что за ушами трещит. Но только чтоб жареных в сметане с луком и чешуи не снимать!

– Это кто тебе рассказал?

– Изящная кухарка его сиятельства... Глашка... Болтливая девка, слава богу!

– Михайло, да ты повеса! Изящную кухарочку приметил, а мне не показал, – развеселился Иван Иванович.

Ломоносов, однако, шутку покровителя своего оставил без внимания.

– Быть по сему, – решил камергер и кивком указал на горку трепещущих созданий. – За ними пришло. До конца дня из этого пруда шесть карасей выловишь – ставка сыграла.

В четвертом часу пополудни, когда Глафира в накрахмаленном переднике вонзала нож в карасиную голову и тихонько напевала: «Илья-пророк по межам ходить», – в поварскую ворвался Ломоносов, бешено вращая глазами и крича:

– Что же жрет эта тварь... божия? – добавил он, заметив крепостную.

Дважды обежав кухню, Михаил Васильевич остановился в темном углу ее, у низкого столового буфета, словно бы вздувшегося изнутри. Глубины его скрывали множество глиняных и фарфоровых горшочков и баночек с заморскими пряностями и специями, куда только повар самого Петра Ивановича имел счастье совать свой красный нос. Ломоносов распахнул створки шкафа, задребезжал, загремел крышками.

– Руки прочь! – завопила Глашка, непроизвольно подражая главной кухарке, от которой слышала подобное по пятидесяти раз на день, и бросилась на защиту драгоценных специй. Она оттолкнула разбойника от буфета и вмиг приняла оборонительную стойку, будучи все еще с ножом в руке.

– Ты что? – испуганно спросил Михаил Васильевич.

Пару секунд спустя Глашка выронила нож и шагнула назад, тяжело дыша. Ломоносов в свой черед перевел дух и сдержанно произнес:

– Дура баба.

– Это приправы господина Кушав-вати, – заикаясь, оправдывалась кухарка. – Вы простите меня, окаянную, Михаил Васильевич. Бес попутал. За ради бога, простите!

Тут у нее задергалась нижняя губа, и, как две реки, хлынули слезы.

– Пóлно, – примирительно вымолвил профессор, поднял нож с пола и усадил девушку на лавку. – Пóлно, изящная моя Глафира. Не на то глаза, чтоб текла слеза.

Присев напротив, Ломоносов подал кухарке платок, деликатно смахнул мизинцем с ее щеки золотистую чешуйку и, чуть погодя, пожаловался:

– Не возьму я в толк, чего он хочет! Хлебом, кашей, пряником, и червем и на мотыля его заманивал. Не берет, старый прощелыга!

– Кого же вы этак потчуете, Михайло Василич? – удивилась Глашка.

– Карась! Одного, последнего. О, если бы ты знала, какая великая польза отечеству от него быть может.

– Ой ли? – вздрогнула кухарка.

Рыболов-неудачник уныло кивнул.

– А вы его бреднем! – вдруг предложила девушка, и лицо ее просияло.

– Не могу я так, Глашенька. Надо, чтобы по чести, по справедливости, – возразил академик, а потом доверительно попросил:

– Выдай мне немного тех пряностей!

Шувалов сидел на корточках над пятью тушками рыб, возложенных на листы лопуха, когда Ломоносов воротился к пруду. Заслышав знакомую поступь, Иван Иванович обернулся и озадаченно покачал головой.

– Время не медлит, Михайло.

– Еще не вечер, ваше превосходительство, – упрямо возразил рыболов.

– Вот смотрю я на тебя: лицо красное, глаза злые, огни в них колышутся, словно всполохи, и сам горю желанием поучаствовать! – издали начал Шувалов.

Михаил Васильевич раскусил его тотчас и, не сдержавшись, вспылil:

– Освободите место!

– Уймись ты, бешеный мужик!

Иван Иванович, в отличие от Ломоносова, владел собой превосходно. Он повысил голос лишь для того, чтобы осадить неучтивца, и продолжил с привычной своей мягкостью:

– Я рядом посижу, понаблюдаю.

– Если вы так собирались поступить, – смиренно отвечал тогда академик. – Прошу покорно, чтобы случившееся вовсе не вспоминалось, потому что нахожусь я в крайнем напряжении.

– Забыл, Михайло.

– За все благодеяния господь бог вас наградит, – твердо произнес Ломоносов.

– А ты мне оду напиши. «Но мы не можем удержаться От пения Твоих похвал».

– Дразните? – улыбнулся Михаил Васильевич и горделиво расправил плечи. – Я за «благословенное начало Тебе, Богиня, воссияло» две тысячи рублѐв получил в награждение. Лишь за слова в порядке стройном, за красноречие одно!

– Потому и ценю тебя превыше остальных, – отметил Иван Иванович и напомнил: – Однако карась, не в пример человеку, елейными речами не польстится, на острое словцо не клонет.

– Тем более извольте место освободить! – сказал рыболов, отодвинул Шувалова в сторону и принялся орудовать удочками.

Не прошло и минуты, как поплавок из птичьего пера дрогнул и ушел под воду. Рука Ломоносова молниеносно откликнулась на поклевку. После подсечки он стал действовать осторожно, плавно и, давая рыбе возможность «погулять», старался не ослаблять шелковой лесы. Остро чувствуя ее тяжесть и сопротивление, подводил он ближе упорного своего карася. Ломоносов скользнул к самому краю земли, наклонился далеко вперед и со сладостным томлением ждал, что вот-вот увидит золотую рыбку.

Карась сорвался легко.

Михаил Васильевич, коротко вскрикнув, безотчетно погнался за ним по воде, как по суше, упал и пропал среди брызг, вспыхнувших в лучах заходящего солнца.

Трепетные волны успокоились, улеглись. Лишь там, где стоял недвижим высокий, крупный человек, гладкое бронзовое зеркало пруда являло взору мимолетность своего совершенства. Ссутулившись, потупившись, человек понуро наблюдал, как капли, стекающие с дрожащих пальцев, звонко и беззаботно разбиваются о воду. Досаду, разочарование, стыд выражали опущенные вниз уголки его губ. Другой человек, находящийся на берегу, лихорадочно подбирал слова утешения.

– Вот как бесславно... – вдруг заговорил Ломоносов.

– Оставь! – прервал его Шувалов. – Не за чем было отстаивать передо мной свою правду, она мне не нужна, ибо, если поморы – упорные, пытливые, сильные люди, с умом ясным и твердым, то ты – их сын, и сын достойный. Что касается награды за победу в споре, ту за необходимое дело почитать должно.

– Кажется, вы свою награду покамест не придумали, – заметил академик.

– Ты прав, и того ради выбирайся из пруда.

Михаил Васильевич сделал шаг и резко остановился.

– Постойте-ка, – наморщил он лоб. – Мне что-то мешает.

Очутившись на суше, рыболов снял левый ботфорт, перевернул его и испытал величайшее изумление: из голенища вместе с водой и илом выскочила, словно по волшебству, золотая рыбка!

– Так не бывает, – прошептал Иван Иванович, переводя недоумевающий взгляд с карася на Ломоносова и обратно.

– Я все-таки поймал его! – выкрикнул помор и весь засветился изнутри.

Крепостными графа Шувалова во время строительства имения один из холмов был досыпан до такой высоты, что в дальнейшем оправдывал свое возвышенное название, ибо именовался Парнас. С вершины его, с каменной скамьи, на которой расположились Михаил Васильевич и Иван Иванович, открывался взорам молодой Санкт-Петербург. На западе в растопленное масло залива погружался горячий, румяный блин солнца, слева из темных сеней леса веяло холодком, настоящим на медовых липах и кислом болотном сене.

– Не могу решить, чем любоваться, – улыбнулся Ломоносов.

– Я поистине не перестаю удивляться тому, как ты поймал последнего карася, – не находил себе места Иван Иванович.

– Спросите лучше, на что он поначалу взял, ваше превосходительство, – намекнул академик.

– Черви, хлебный мякиш et cetera – любой мальчик знает, на что их ловить.

– Любой мальчик знает, на что их ловить, а *один* знает, на что они клюют, – заговорщически подмигнул Ломоносов собеседнику.

– Я знал, что дело это нечистое! – заявил Шувалов и потребовал разъяснений.

Михаил Васильевич открылся другу без лишних уговоров.

После того, как Иван Иванович в первый раз посетил рыболова, клев совсем прекратился и время шло впустую. Приуныв, подперев подбородок кулаком и втайне надеясь на силу мысли, профессор пристально смотрел на поплавок. Услышав предупредительное покашливание за спиной, он обернулся и уперся взглядом в беззастенчивые мальчишеские глаза. Чумазый подросток лет двенадцати с белыми и тонкими, как хохолки одуванчика, волосами был прислан, по всей видимости, Глафирой – забрать пойманных карасей.

– Чего тебе? – не слишком доброжелательно отозвался взрослый.

– Вижу, не клюет у вас, барин, – нагло заметил парень. – Чего на крюк сажаете?

– Да что и все, – вздохнул рыболов.

– Хотите, научу Вас, на что карась тутошний берет? – поинтересовался мальчик.

– А хотите, я тебя научу говорить правильно? – не удержавшись, съязвил Михаил Васильевич.

– Хочу, – без промедления ответил тот. – Тем паче задумал я азбуке, чтению учиться. Старшие говорят, вы в Петербурге ученый большой.

– Эвон как! – опешил Ломоносов. – Зачем же тебе азбука?

– У дьяконова сына Феофана, Фофана по-нашему, книга есть с картинками, – бесхитростно отвечал мальчик. – Корабли на них с плавниками рыбьими вместо парусов, доспехи на воинах чешуйчатые, на шлемах рога, как у жука. А барышни препотешные: лица набелены, брови насурьмлены, глаза махонькие, будто семечки. И все в халатах.

Последнее предложение он произнес с возмущением. Михаил Васильевич усмехнулся.

– Поизнай, об чем там написано, – продолжал парень. – Дьякон не скажет. Он Псалтири из рук не выпускает, только розгами страшит да приговаривает: «Побойся бога, бойся бога».

– Как зовут тебя? – спросил ученый.

– Алешей кличут.

– Я Михайло Васильевич, – представился Ломоносов. – Вот что, Алеша, заключим договор: ты разъяснишь мне, как перехитрить карася, я помогу тебе с азбукой. Справедливо?

– Добро! – согласился мальчик.

– Если бы кто мог разъяснить мне «Граматику» в родной Денисовке, – задумчиво проронил Ломоносов в разговоре с Шуваловым. – Я, пожалуй, что не убежал бы с подводами в Москву.

Алеша рассказывал обстоятельно:

– Караси на запахи падучи, у них нюх как у собаки. Я ноне к конюшне приставлен, а прежде у Кушать-подавати, барского повара красномордого, служил на подмоге. Один раз, когда меня за карасями послали, я тихомолком булку со стола стащил, с ванилью, которая (до чего скусна булка-то!), на крюк насадил маленько, и такой клев был, – парень закатил глаза. – Чуть с руками не отодрали!

– Я сначала ему не поверил, – признался Михаил Васильевич. – Не мог поверить.

– Однако проверил?

– Разумеется. Я при себе мятных пряников имел, скатал из них шарички – и скоро пятерых выловил. Между тем шестой все осторожничал, и я выпросил у повара ваниль.

– Тут он и взял? – догадался Иван Иванович.

– Нет! – огородил Ломоносов слушателя. – Словно черт морской, злохитростный, не только ванилью, но и корицей, тмином, майораном пренебрег.

– Не томи, Михайло!

– Будучи в раздражении и едва ли не в отчаянии, я стал шагами гнев свой умерять, куст смородины отыскал, давай ягоды незрелые в рот отправлять. Как вдруг пришла дурная мысль: «Если попробовать?».

– На смородину?! – воскликнул Шувалов.

Академик кивнул и нарочито рассмеялся.

– Не верю!

– Я тоже этому не верю, помимо того, я не верю, что последнего карася скорее в сапог, нежели на крючок поймал, – сказал Михаил Васильевич. – Однако это произошло.

– Какая чудная история, – протянул камергер.

– Вернее, «чудесная», – поправил его Ломоносов и пошел ва-банк. – Сколь много законов естественных, которых природа держится, мы по незнанию страшимся и называем чудесами. Сколь усердно надлежит исследовать натуру, чтобы тайны ее великие разуму открылись.

– Ага, – тяжело вздохнул Шувалов. – Уже и о награде рассуждаешь.

– Вы только вообразите, ваше превосходительство. – Московский университет! В нем станут постигать науки такие юноши, как Алеша...

– Такие, как ты, – перебил Иван Иванович, но академик не заметил этого:

– ...ревностные, смелые, отрада и честь отечества. Исходатайствуйте перед императрицей российскому народу. Этим благим делом вы щедро и достойно продолжите начинания Петра Великого!

– Ох, Михайло Васильевич, умеешь ты уговорить!

Все события вымышлены. Любые совпадения случайны.

Об авторе:

Лапикова Анна Валерьевна родилась в Северодвинске. Закончила МГТУ «Станкин» и Литературный институт имени Горького. Публиковалась в журналах «Москва», «Юность», газете «Литературная гостиная».

Татьяна Скрундзь

Гул

Задание:

Шмель услышал рёв и рычание какого-то огромного шмеля, полетел на него посмотреть и увидел, что к нему в Липецк приехал выступать Владимир Владимирович Высоцкий.

Проводник, скажу, ты не поверишь, космонавты в поезде летят. Космонавты хлеба ждут и зрелищ, но особенно они вина хотят.

Рано утром поезд врезался в пустующую станцию и, скрипя колесами, на ходу ошпарил легкий весенний воздух выхлопом из тормозной магистрали. Жители города еще не успели разлепить век, а кучки пассажиров уже выкатывались на перрон, успешно и не очень подхватывая на ходу застиранные холщевые сумки, вздувшиеся от диковинных для провинции яств и одежды. Люди растаскивали столицу на гастрономические кусочки по всей стране, везли домой все, что можно было увезти в тоскующую от деликатесов малую родину. А та встречала их широкими объятиями гордого алого полотна на мосту, торжественно желающего здоровья Советам, и стендами для фотографий, выстроившимися вдоль первой платформы, как солдаты первой шеренги на параде. Фотографии сообщали гостям города о его бурной металлургической деятельности, настойчиво доказывая запечатленными клубами дыма в надгородских небесах свою пятилеточную состоятельность.

Меж тем из купейного вагона, что следует сразу за вагоном-рестораном, выпал в статичный мир один из последних пассажиров, таща за собой потрепанную переездами гитару. Несколько сопровождавших тут же обступили тело, чьи-то женские руки с усилием пробовали поддержать его в вертикальном положении. Покачнувшись, человек прислонился к рифленой стене вагона и, задрав голову, выдохнул алкогольный дух в пропитанное цветущими нарциссами небо.

– Где машина? – спросил он.

– Нас ждут, – ответили ему.

В этот миг гитара из рук неустойчивого путешественника упала на перрон и расстроено бренькнула струнами на поведенном грифе.

Милая, любимая, не откажи сегодня. Видишь, все задумчивые, колбасу едят. Космонавты – старая шуточка Господня. Но вина по-прежнему, вина они хотят.

Неровно выбеленный потолок поприветствовал ухмылкой трещины на поверхности штукатурки, когда, наконец, удалось открыть глаза.

– Володя, дорогой, ты очнулся! – послышался бодрый голос Янкловича. – А мы было собрались тебя водой поливать. Ехать пора, договаривались на три...

– Владимир Семенович, как ты? – тихо прервала его торопливую речь Оксана, внимательно глядя прямо в лицо супруга.

Володя помотал головой, стряхивая остатки похмелья, ощупал лицо, поднялся и, не обращая внимания на восклицательные, запоздало радостные приветствия, направился в ванную, пробираясь между знакомыми и незнакомыми людьми, толпившимися в маленькой квартире: кто стоял – в дверных проемах, кто сидел – на стульях и креслах, расставленных в хаотичном порядке по всей комнате.

Привал состоялся у приятелей, которые уже полгода настойчиво звали его культурно просветить этот застрявший в пятидесятых маленький индустриальный городок. Планировался торжественный обед. Но прошедшая железнодорожная ночь щедро одарила артиста случайной публикой. Наутро на спиртное он не мог взглянуть без приступов тошноты. Так что пока спутники, воспользовавшись привезенными с собою же столичными деликатесами, предавались чревоугодию, он был вынужден отдыхать. Сейчас необходимо поставить на место свернутую в сонной ухмылке челюсть, расправить сутулые стареющие, но еще сильные плечи и пригладить длинные волосы. Наручные часы проинформировали Высоцкого о том, что время не остановилось и хорошо бы успеть на предстоящий концерт загодя. Город не знаком, привычки его обитателей тоже. От советских людей чего только не ожидаешь...

Он никак не мог вспомнить название города. Что-то связанное с березой или другим русским деревом, липой что ли... Да ну его к черту, этот город. Заграничный коньяк еще пульсировал вместе с кровью по венам, вызывая старое знакомое чувство стыда и воспоминания о собственном предательстве в пользу алкоголя. Когда-то еще Марина пыталась воевать с врагом русского человека в одиночку. Ксюха вот не воюет, зато остается рядом, во что бы то ни стало. От этого алкоголя парадоксально меньше, а стыда, как ни странно, больше. Сюда она поехала, правда, неожиданно для Высоцкого, просто собралась в полчаса и поехала с ним на вокзал. Он не смог отказать ей. И Боровской чудом достал ей билет в последнюю минуту перед отправлением. Сам Боровской вот не поехал, побрезговал.

Володя облокотился на край раковины, согнувшись, постоял без движения несколько минут, поднял лицо и прорычал что-то своему отражению. Потом встряхнул отросшими почти до плеч волосами и вышел из ванной, распахивая душу. Он подошел к Оксане. Он пал перед ней, не обращая внимания на чужие любопытные взгляды, он обнял ее колени под широкой юбкой, он бормотал извинения и хотел плакать и уезжать из этого неуютного городишки скорее прочь.

– Мы споем самое дорогое, пусть они все услышат. А потом поедем домой. Ксюха, кольца готовы, ты ведь не уйдешь теперь?

Она погладила его тяжелое лицо.

– Нет, Володя, нет.

– Дай гитару, пока я спал, сочинил новую песню. Ты простишь меня снова.

А если нам с порога на рога плюют, и кто-то, кажется, смеется, мы вспомним, как мы ходим на врага, и как нам спирт под пулями не пьется.

Двери филармонии оказались закрыты. Натянутая бодрость артиста и показное возбуждение товарищей оказались напрасны. Две машины такси уже отпустили. Никто не встречал. Маленькое одноэтажное здание с обшарпанными по высоте углов стенами равнодушно тарщило на них четыре неестественно крупно выпученных для такого мелкого здания окна. И здесь перед входом оказался стенд с фотографиями. Горделиво выставленные виды завода лезли в глаза, уничтожая всякую надежду на то, что в этом месте можно петь. Афиш с объявлением сегодняшнего концерта ни на дверях, нигде поблизости не было. Не обращая на приезжих никакого внимания, мимо прошли несколько пешеходов, шмыгая, они втягивали носами, точно пылесосами, прохладную весну, а вместе с ней – тонкую пыльцу нарциссов, цветущих повсюду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.